

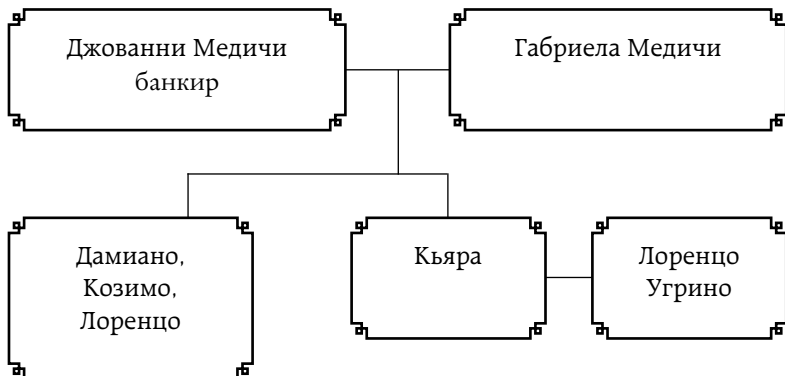
От автора:
эта история основана
на реальных исторических событиях,
но это художественное произведение,
а значит, имеется вымысел автора.

Эту книгу я посвящаю моей семье
в благодарность за большую поддержку:
моему мужу, моей дочери и моей маме.
И вам, дорогие читатели.

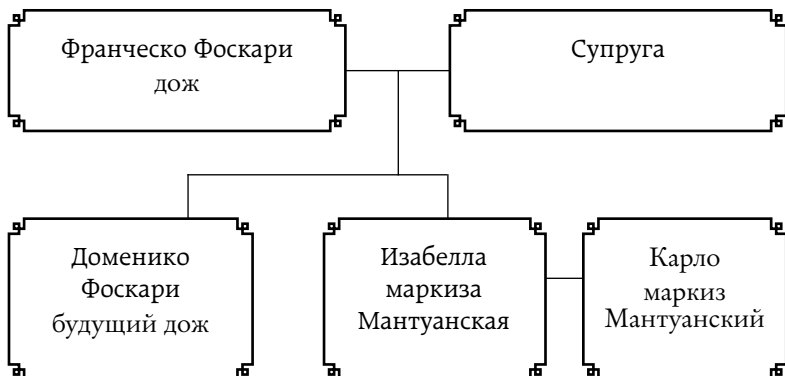
РОД МЕДИЧИ

Банкиры Флорентийской республики

РОД ФОСКАРИ

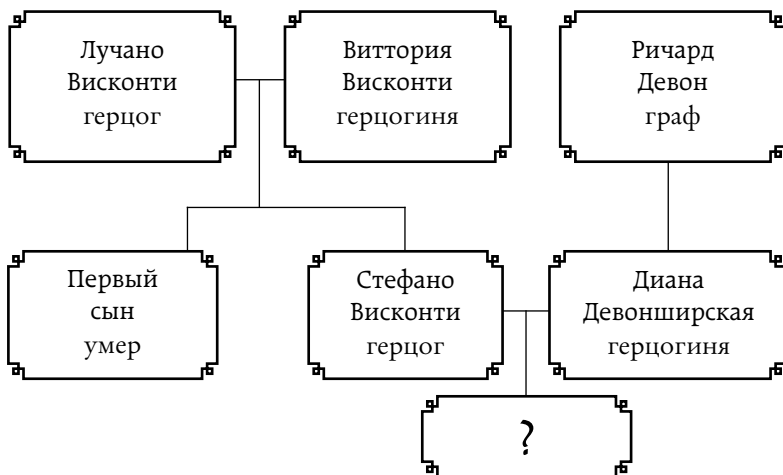
Дожи Венецианской республики

РОД ВИСКОНТИ

Миланские герцоги

ВТОРОСТЕПЕННЫЕ ПЕРСОНАЖИ:

Мария — служанка Дианы

Марта — камеристка Дианы

Карло — мажордом миланского замка

Маурицио Тровато — правая рука Стефано

Филлипо Барбаро — торговец из Милана

Реджина Барбаро — супруга Филлипо

Модино Москатти — врач из Милана

Томмасо — рыцарь, охранник Дианы

Николо Травило — землевладелец из Флоренции

Джорджо Орделаффи — синьор Форли

Лукреция — супруга Джорджо, дочь Лудовико Алидози

Лудовико Алидози — подданный Медичи, управлял Имолой

Агнесса дель Марино — дворянка из Милана

Воины Ломбардии возвращались на родные земли Форли. Впереди всех верхом на гнедом жеребце скакал сам герцог, по правую руку от него, не отставая, двигались Франческо Сфорца и Маурицио Тровато, сидя на своих лошадях. Позади главнокомандующих шли рыцари, которые несколько недель сражались за эти земли и отстаивали свою честь. В центре полка ехала повозка, на которой было умело сооружена клетка из железных прутьев. В ней находился человек, Лудовико Алидози, — человек, возглавивший восстание в Форли. Он пытался захватить этот городок и подчинить себе весь народ. Но Алидози не учел одного: даже имея поддержку самого Медичи, он не мог избежать тюрьмы Стефано Висконти.

Подданный Медичи, а также папства стал главным трофеем, который когда-либо имел миланский герцог.

Это первая настоящая война для Стефано после смерти отца. Первая битва, которую он выиграл сам лично. Герцог был горд! У него получилось то, к чему он шел долгие годы. Ради чего тренировался в искусной битве, выстраивал сложные ходы, искал простые выходы. Он доказал сам себе, что является прекрасным стратегом и воином.

И рядом с ним находился Сфорца — наемник, купленный за приличную сумму денег. Но правило Стефано Висконти

простое — никому не верить! Иначе от одного неверного шага можно лишиться всего герцогства.

Его конь остановился посередине двора, и герцог спрыгнул на землю. Он слышал восторженные возгласы местных женщин, которые встречали своих мужчин, а взглядом искал одну. Но среди простолюдинов не было герцогини — наверняка в своих покоях. Хотя в это с трудом верилось, спрашивать пока он не стал. Отдал поводья мальчишке и обратился к народу:

— Сегодня мы будем праздновать победу! Мы разгромили войско Джованни Медичи, которое зашло в Имолу! Я оставил наших людей там, чтобы соблюдать порядок. А правителя Имолы, Лудовико Алидози, мы взяли в плен! Он должен ответить за то, что пытался силой захватить Форли. — Затем он произнес громче: — Вы, жители Форли, теперь находитесь в полной безопасности!

После его слов все закричали. Это были крики радости и счастья! Это были крики долгожданной свободы!

— Гуляйте, люди! Веселитесь! — приказал герцог и направился в дом, где находились его покои. Он был уверен, что там его ждет жена. Возможно, даже обнаженная. Возможно, она лежит под одеялом, согревая постель и ожидая его появления.

По дороге из Форли он чего только себе не представил. Он вспоминал ее податливое молодое тело и ту страсть, которая вдруг окутала сетями их обоих.

Но, отворив дверь, герцог обнаружил пустые покои. Лишь несколько простых женских платьев, которые герцогине отдали горожанки, были перекинута через резную спинку кресла. И кровать, одеяло на которой было откинута, одиноко стояла, ожидая хозяйку.

Стефано не почувствовал тепла, которое должно витать в этом месте. Здесь было одиноко и холодно.

— Ваша светлость, — подоспел слуга, — через некоторое время вам принесут бадью с водой. Будут какие-то распоряжения?

Стефано еще раз обвел взглядом покои:

— Где герцогиня?

Где-то вдалеке он услышал свой же вопрос. Он эхом пронесся по комнате и оттолкнулся от пустых стен.

— Они с нашей Лауреттой пошли на реку. С ними Томма-со, ваша светлость.

Слуга поклонился и вышел. Герцог облегченно выдохнул, но тут же разозлился на Диану — она могла бы дожидаться его!

Раз она решила искупаться, что ж, он присоединится к ней прямо в речке!

Стефано быстро спустился на пыльную улицу. И перед ним открылось ужасное зрелище: люди настолько озверели, что пытались пробраться в клетку к Алидози и задушить его там. Этого герцог допустить не мог. Он тут же вынул меч из ножен, и улицу оглушил металлический звук. Люди замерли и обернулись к герцогу, убрав руки от клетки.

— Вы требуете справедливости, но давайте не будем становиться животными и рвать плоть голыми руками! Мы будем судить этого человека по закону. Того, кто близко подойдет к клетке, ждет наказание по жесточе тюрьмы!

Угрожающий вид герцога испугал всех. Народ тут же разбежался, оставляя Алидози в полном одиночестве.

— Завтра же едем в Милан, — обратился Стефано к Сфорца, который вдруг оказался рядом, — уже не терпится посадить его в подземелье. А сейчас приставь к нему охрану.

Тот кивнул, наблюдая, как его светлость откинул меч и пошел в сторону неприметной калитки. За ней была дорога до речки, которой пользовались местные жители. Именно так идти было ближе всего, Стефано уже знал это, потому что часто бывал в этих местах.

Он шел, размышляя о том, как сильно устал, но эта усталость растворится сразу, как только Диана коснется его тела. Он даже ощутил шелковистость ее кожи и сладковатый запах. Сейчас отошлет Томмасо ко всем чертям вместе с местной девушкой, а сам останется наедине с женой.

В предвкушении Стефано рукой отодвинул ветку, уже слыша журчанье ручья, но увидел тело девушки. Она лежала на животе, потому что в спине торчала стрела, и вместо серого цвета одежда окрасилась в кровавый красный. Он кинулся к ней, перевернул к себе лицом и вспомнил, что уже видел ее раньше. Вот теперь сердце пропустило удар, однако все еще была надежда на то, что Томмасо сработал профессионально. Но что такое стрелы в спину — Стефано знал не понаслышке.

Не хотелось думать о плохом, но мысли — одна хуже другой — роем вились в голове. Стефано воин, и он прекрасно знает, как пахнет смерть. Здесь пахло смертью и страхом. Он кинулся наверх в гущу леса, чтобы выбежать на дорогу и, возможно, увидеть того, кто убил девушку. Но наткнулся на еще одно тело, пронзенное стрелой. На тело того, кто должен был охранять жизнь его жены, — Томмасо!

Стефано почувствовал, как его охватывает страх. Ощупав тело бойца, герцог понял, что оно уже холодное, а значит, прошло уже достаточно много времени.

— Диана! — крикнул он и затаил дыхание, понимая, что даже не взял с собой меч. — Диана!

Ответа не последовало, и он вновь побежал вниз к реке, в воду! Забежал по колону и даже не заметил этого. Что он здесь искал? Свою жену?

— Диана!

Но она не могла утонуть. Нападавший выпустил во всех стрелы! Она не может быть в воде. Тогда где? Возможно, сидит под деревом, боясь выйти?

Он стал прочесывать лес, крича ее имя и понимая, что она не откликается! Она не слышит его!

А ведь его услышал даже Маурицио и прибежал на крик своего хозяина, но увидел герцога в растерянности.

— Их убили, — тяжело дыша, произнес Стефано, — но я не могу найти герцогиню. Срочно зови рыцарей. — сквозь зубы прошипел он, — мы прочешем весь лес, но мы ее найдем!

Маурицио был настолько шокирован, что кивнул несколько раз и, не произнеся ни слова, помчался в город исполнять приказ.

Не хотелось терять время, Стефано понимал, что бесполезно бегать среди деревьев и кричать ее имя — Дианы здесь нет. И он боялся предположить, что они не смогут найти ее даже на всей территории Ломбардии.

Ему нужен конь, меч и план. Надо успокоиться и наконец начать здраво мыслить! Герцог впервые за долгое время понял, что волнение начинает нарастать, когда беда случается с близкими ему людьми. Так было с родителями, они умерли, а он два года не мог смириться с этим. Так же и с Дианой. Кто бы мог подумать, что она так близко доберется до сердца!

— Ваша светлость, — подбежал к нему Маурицио, когда герцог оказался в центре Форли, — рыцари готовы, я поеду с вами!

Стефано остановился, глядя на друга растерянным взглядом, но надо было брать себя в руки и придумать план. Тут же подоспел Франческо Сфорца, и герцог указал на здание, в котором находились его покои и кабинет, где он решал военные вопросы. Это место очень подходило для переговоров, там не было чужих ушей.

Они втроем прошли в этот кабинет, и Стефано рывком смахнул чернильницу со стола. Теперь в нем нарастал гнев

от собственного бессилия. Но это временно, он найдет Диану, даже если придется перевернуть весь мир и убить множество людей.

— Давайте мыслить здраво, — произнес он, но больше обращаясь к себе, — надо чтобы кто-то из вас поехал в Милан и поместил Алидози в тюрьму при Миланском замке.

Оба кондотьера переглянулись между собой, и Сфорца произнес:

— Я это сделаю, ваша светлость. Как только выполню ваше распоряжение, то могу прочесать окрестности Милана. Вдруг герцогиня сбежала...

— Она не могла сбежать! — прорычал герцог и стукнул кулаком по столу. — Она не смогла бы убить служанку и Томмасо. Это сделал тот, кто ее похитил. И если герцогиню хотели убить, то ее тело лежало бы рядом с их телами. Значит, остается одно — ее похитили. Вопрос — кто? Второй — зачем?

Наступило молчание, каждый глубоко задумался. Первым неуверенно заговорил Маурицио:

— Я боюсь, что это как-то связано с Алидози. Возможно, за него потребуют выкуп.

— Да, — кивнул Сфорца, — возможно, это Медичи, или приказ поступил из папства.

Маурицио тоже кивнул, соглашаясь с мнением кондотьера. Надо было решать, как лучше поступить.

— Что будем делать? Есть вариант подождать, когда гонец принесет послание о выкупе...

— Просто сидеть и бездействовать? — взревел Стефано. — Нет! А если никто не приедет? Моя жена, возможно, уже повешена на главной улице Флоренции.

Он схватился за голову и рухнул в большое массивное кресло, отгоняя панику как можно дальше.

— Я не смогу просто сидеть, — спокойно произнес он. — Поеду в Венецию, возможно, Фоскари имеет к этому отношение! Маурицио, ты едешь со мной!

Он встал и быстро вышел из кабинета, отдавая распоряжение слугам. Кондотьеры вновь переглянулись.

— Герцог неглуп, заподозрил Фоскари... — начал говорить Сфорца, но Маурицио его перебил:

— Не думаю, что Франческо Фоскари будет марать руки, похищая саму герцогиню Милана...

— Кто сказал про Фоскари-старшего, — выдохнул Сфорца, — тебя не было на балу, но младший Фоскари не спускал глаз с герцогини. Этот сукин сын вполне мог похитить ее для себя, и политика здесь ни при чем.

Маурицио кивнул, но решил, что лучше не говорить такое герцогу. Стефано неглуп, раз первым делом решил отправиться на поиски в Венецию — значит, он тоже о чем-то догадывается.

Во дворе началась суматоха. Уже никто не обращал внимания на клетку, в которой сидел Алидози, люди бегали по двору, молились, причитали и плакали. Рыцари снова готовились к походу.

И как только герцог вышел на улицу, чтобы дать распоряжение, все притихли.

Он не стал брать с собой в Венецию рыцарей, приказал им остаться здесь и искать по окрестностям Форли и Имолы, особенно его интересовала местность Форли. Отправил нескольких воинов с Франческо Сфорца до Милана, чтобы заключить под стражу Лудовико Алидози.

А сам вскочил на коня и отправился в путь до Венеции, взяв с собой только Маурицио.

Выбора не было — пришлось оставить Форли и снова вернуться во дворец Фоскари, чтобы приставить к горлу Доменико меч, а лучше сразу снести ему голову. Больше

всего герцог подозревал его! Хотя не исключена политическая игра Медичи. Наступать на Флоренцию Стефано пока не планировал, если Диана там, то она могла пострадать.

До Венеции они добрались быстро. Теперь лицо миланского герцога не скрывала маска, он не прятался, а скорее напротив, готов был кричать во весь голос, чтобы Доменико ужаснулся.

Пока гондола плыла по каналу, герцог стоял, рукой касаясь рукоятки меча. Его черный плащ развевался по ветру, брови были нахмурены, губы плотно сжаты. Чем ближе они подплывали ко дворцу, тем сильнее становилось нетерпение сойти на берег и устроить резню.

Он плыл и не замечал одиноких людей, которые бродили по мостовым, не пряча лица за масками. Карнавал закончился, все гости разъехались. Пока он воевал в Имоле, Медичи вернулся во Флоренцию.

— Мне нужен лорд Доменико, — прорычал Стефано возле двух стражников, которые перегородили ему путь. Даже Маурицио достал меч, чтобы быть наготове. Но знак бисциона на груди миланского герцога являлся входным билетом в любое место. Охрана впустила их, передав на попечение мажордома, а он поклонился, сказав, что доложит лорду Доменико о приходе его светлости.

Это посмешило Стефано Висконти, он оттолкнул со своего пути старика и кинулся по лестнице вверх. Дворец дождей состоял из огромного количества ходов и выходов, темных коридоров и тайных комнат. Герцог не знал плана здания, и, скорее всего, его не знали даже сами дожи.

Стефано открывал одну дверь за другой, ища Доменико, но наткнулся на пустоту. Гости правда покинули дворец, возможно, Доменико уехал с ними, он мог быть где угодно. Но Стефано все продолжал проверять комнаты, не обращая

внимания на недовольство мажордома, который пытался догнать двух незваных гостей.

— Лорд Доменико во втором зале, — закричал старик. — Ваша светлость, что здесь происходит? Я вынужден буду позвать охрану, и вас выкинут из дворца за ту опасность, которая от вас исходит. Вы прекрасно знаете, что мы всегда рады вашему визиту, но без оружия и злости.

После его слов Стефано даже остановился и поднял бровь. Но не от слов старика, к которому на помощь уже бежали рыцари в латах с эмблемой Венеции. Он действительно действовал на эмоциях, желая увидеть смерть Доменико. Еще не время.

Герцог убрал меч и обратился к мажордому.

— Так отведите меня во второй зал! — приказал он. — Непристойно герцогу ждать!

Старик кивнул и засеменял в обратную сторону, Стефано лишь недовольно закатил глаза и пошел следом. С ним рядом шагал напряженный Маурицио, ощущая сзади подступающих рыцарей охраны.

Когда массивные двери открылись, герцог даже не стал ждать, когда о нем доложат. Он влетел в зал, выхватил меч и приставил его к горлу Доменико.

— Где моя жена?

Он сделал это так быстро, что даже охранники не сразу поняли, что происходит, а потом оказались прижаты к стене мечом Маурицио. Тот улыбнулся и коснулся пальцем губ, намекая на тишину.

— Мне казалось, что она уехала в Милан. Я разве неправ? — Лорд Доменико сначала поднял руки, смотря на блеск металла меча миланского герцога, отходя назад, как будто сдавался, но потом одним молниеносным движением вынул свой меч и тут же отбил меч Висконти.

Такой выпад только разозлил герцога, он вновь ударил по мечу Фоскари:

— Не прав, ублюдок!

Началась бойня на мечах, звук от которых разлетался повсюду, касался стен и возвращался в два раза громче.

Стефано Висконти двигался с невероятной грацией и быстротой, но что удивляло Маурицио, Доменико Фоскари имел отличную подготовку в военном деле и стал прекрасным противником для его светлости.

— Диана уехала еще задолго до наступления полудня, — произнес Доменико и сделал выпад, пытаясь пронзить герцога мечом, но тот умело увернулся и снова приставил конец меча к горлу Фоскари:

— Ее похитили! Какое отношение имеешь к этому ты?

Доменико сглотнул, услышав эти слова, бросил меч, но не для того, чтобы сдаваться:

— Клянусь, что я не имею к этому отношения! Я никогда бы не причинил Диане вреда!

Стефано стал надвигаться на него, упираясь острием меча прямо в горло. Доменико отступал до тех пор, пока не прижался к стене.

— Почему я должен тебе верить? — прорычал герцог.

— Я могу ненавидеть правителя миланского герцогства, враждовать и делить земли, но я не могу причинить боль той, которая честна и чиста, как ангел. Можешь убить меня! Но я умру со спокойной душой, потому что не виноват. Единственное, что меня будет терзать, — виновник останется без наказания, а герцогиня в опасности. Я бы тоже хотел пронзить мечом того, кто посмел тронуть ее светлость, и если ты дашь мне возможность помочь тебе с поисками, то я буду рад лично повесить этого человека.

Доменико ощутил, как сильнее уперлось в горло лезвие меча, он даже закрыл глаза, но потом давление ослабло — герцог опустил меч.

Г Л А В А 33

— Ты мне не нравишься, — бурчал Стефано, пока шел вдоль коридора. Он опустил меч, не тронув Доменико. Если бы он убил сына дожа, то вряд ли сам остался бы жив. Но дело было даже не в мести и не в смерти. Герцог поверил сыну венецианского дожа. Или... сделал вид, что поверил. Но если Доменико предлагает свою помощь, то этим надо пользоваться и взять из нее выгоду.

— Ты мне тоже, — лорд Доменико шел рядом, — но у нас нет выбора. Придется объединить силы и терпеть друг друга.

— У меня по-прежнему полно вопросов, и поверь, к тебе тоже! — Стефано резко остановился и пронзил сына дожа испепеляющим взглядом. — Где в настоящий момент твой отец?

Синие глаза герцога слегка сощурились, ожидая ответа. Но даже секунда тянулась бесконечно, а он не любил ждать.

— В Венеции? С Медичи выбирают стратегию, как захватить замок Висконти в Милане?

— Он с Изабеллой, — тихо произнес Доменико, — три дня назад ее муж скончался.

Стефано даже опешил, слегка мотнул головой и нахмурил брови. Пока он воевал, его бывшая любовница потеряла мужа. Интересно, она написала ему? Возможно, да, но записка не успела еще дойти... А возможно, нет, потому что ее горе так велико, что не было слов.

— Я не знал, — тон герцога тут же смягчился, — разве маркиз был болен?

— Это произошло скоростижно. Накануне смерти все было прекрасно, но утром он не проснулся. Тело похоронили в Падуе. Его Серенити сейчас там, поддерживает дочь. Я вернулся утром.

Доменико склонил голову, обошел ошарашенного Висконти и направился к резной двери — выходу из дворца.

— Стой! — Стефано догнал его. — Падуя не так далеко, я хотел бы выразить свои соболезнования леди Изабелле.

Доменико слегка удивился. Но Стефано Висконти герцог, и в его обязанность входит принести соболезнования от всего ломбардского народа. Даже поиски жены ушли на второй план. Это его слегка порадовало. Он найдет Диану первым, что сыграет ему на руку.

— Конечно, поедем сейчас же, — поклонился Доменико и вышел на улицу.

Он оставил его светлость наедине с Маурицио, у которого пропал дар речи. Он был прекрасно осведомлен о романе миланского герцога с дочерью венецианского дожа. Но чтобы в такую минуту она была важнее миланской герцогини — это было слишком.

— Ваша светлость, не кажется ли вам, что вы поспешили с маршрутом?

Герцог просверлил его взглядом, а потом прищурил глаза:

— Мне плевать на маркиза, его жену и всех венецианских ублюдков. Мне нужно увидеть дожа. Смерть Карло Мантуанского отличный повод, чтобы это сделать в неофициальной обстановке.

Стефано Висконти великий стратег. Маурицио знал это по сражениям, но впервые увидел, как проявляется это его качество в личном горе. Голову он явно не потерял и даже помощь Доменико Фоскари принял не просто так — он держал врагов близко. И тем более не думал о сочувствии к леди Изабелле.

— Ты подозреваешь Фоскари-младшего? — задал вопрос Маурицио.

— Не знаю, — через пару секунд молчания произнес герцог, — возможно, он и правда не знает ничего о Диане.

Уж больно правдоподобны были его эмоции. Но он выведет нас на того, кто мог это сделать. Пусть Франческо Фоскари вздрогнет, когда я приду к нему лично.

Они вышли следом за Доменико, проходя по небольшому саду, к воде, где их уже ждала гондола. Она доставила их к лошадям, и трое всадников пустились вскачь по равнинной местности Венецианской республики. Иногда им приходилось снижать темп, потому что дорога была размыта от дождей и проезжающих карет. В это время Доменико интересовался деталями похищения герцогини.

Видимо, ему с трудом верилось, что кому-то это было выгодно.

— Ты знаешь, что я взял в плен Лудовико Алидози? — произнес герцог, сидя на черном жеребце, который грациозно переступал с ноги на ногу.

— Нет, — мотнул головой Доменико, — не я наступал на Ломбардию, а новости до меня еще не успели долететь. Но, конечно, о них осведомлены во Флоренции. Ты думаешь, Медичи мог выкрасть герцогиню в обмен на Алидози?

— Вероятно, — согласился Висконти.

Он говорил одно, но думал о другом. Если Медичи не причастен к пропаже герцогини, тогда кто? Есть еще один вариант — люди отца Дианы! Но об этом не хотелось думать.

Трое всадников доскакали до резиденции умершего маркиза к вечеру. Уже темнело, и дорога была видна с трудом. Сегодня поиски явно прекратятся, но завтра начнутся с восходом солнца.

Они прошли в библиотеку, где их с поникшим видом встретил его Серенити дож Венеции Франческо Фоскари.

— Выражаю соболезнования от себя лично и своего народа. Это большая потеря для вас и вашей дочери, — кивнул герцог, и дож приказал остальным выйти и оставить их нае-

дине. Они уселись возле очага, пытаясь согреться в этот холодный вечер.

— Я не мог даже предположить, что это случится с моей дочерью, — уныло произнес Фоскари. — Теперь она вдова, зато богата и имеет титул...

— Я уверен, что у леди Изабеллы все сложится хорошо, — подбодрил его Висконти. Он прекрасно понимал горе дожа, но в то же время его собственное горе не понимал никто. Надо было выводить разговор в нужное русло, хоть это и выглядело странно.

— Надо же, я не видел маркиза со дня собственной свадьбы, даже не подумал бы, что он имел плохое здоровье, — начал герцог издалика.

— Это случилось скоропостижно. На балу он выглядел более чем удовлетворительно. Я даже подумать не мог...

— Может быть, его кто-то или что-то расстроило?

Дож пожал плечами:

— Нет, маркиз никогда не лез в большую политику, она его не интересовала. Кстати, — Фоскари оживился, — как поживает ее светлость? Она так быстро уехала, что мы не успели ее поблагодарить за приезд. И очень жаль, что военные дела не дали приехать вам. Герцогине понравился праздник?

Стефано замер, слегка опешив. Странно, но Фоскари с теплотой в голосе вспоминал о его жене. Однако он не верил никому.

— Ей очень понравился праздник, ваше серенити, — натянул улыбку Стефано, а хотелось встать и выйти. Но он продолжал сидеть и вести светскую беседу. — Она весьма благодарна вам за приглашение и с радостью посетит бал в честь карнавала в следующем году.

Губы дожа дрогнули в улыбке, даже взгляд потеплел:

— Она под стать тебе. Такая же гордая. Защищала твою честь и честь своего народа. Много было сказано за столом,

но она гордо дала понять, что ее словами не сломить. Достоянная герцогиня для миланского герцогства.

Слишком много прекрасных слов о своей жене услышал Стефано от венецианского дожа и не мог поверить своим ушам.

— И что было сказано за столом?

— Ничего особенного, — усмехнулся Фоскари, — присутствующие интересовались тобой.

Стефано усмехнулся и встал со своего кресла. Эти ублюдки начали с ним войну, а потом удивлялись, что его нет на празднике. Что бы в тот момент ни сказала им Диана, он гордился ею. И сейчас, глядя в окно, в темноту ночи, сердце этого воина сжалось. Он бы отдал многое, чтобы найти ее. Или хотя бы для того, чтобы она была в безопасности. Но с каждой минутой он переставал верить в счастливый исход.

— Мою жену похитили, — наконец сознался он, — если это сделано по приказу Медичи, то вы в курсе и можете передать ему, что границы наших государств не помеха миланцам войти во Флоренцию.

Фоскари вскочил со своего места, широко открыв глаза. Казалось, что даже сил в нем прибавилось.

— Ваша светлость! Что вы говорите! Настоящим мужчинам не подобает воровать женщин. Низко и позорно! Если на это способен Медичи, то я точно не в курсе этих дел. Я не имею отношения к пропаже прекрасной Дианы.

— Думаю, что вы единственный человек, которому нет пользы от похищения миланской герцогини. Я не обвиняю вас в этом. Но очень прошу, если вы что-нибудь знаете, расскажите мне. И неважно как! Хоть через гонца или за столом! Мне важна любая информация. Моя жена ни в чем не виновата, она стала лишь марионеткой в политической игре.

Стефано не повышал голос, напротив, говорил тише обычного, с нотками сожаления и безысходности. Фоскари слушал

его внимательно, потом подошел ближе и положил руку на плечо:

— Я понимаю ваше горе, ваша светлость, потерять жену — большая утрата. Тем более она была достойна места на троне Милана. Но я не имею никакой информации, в чью игру вы играете. Венеция здесь ни при чем. Но даю вам слово, что если узнаю какую-нибудь новость о герцогине, то непременно вам сообщу.

— Благодарю, — кивнул герцог и вышел из библиотеки в коридор, где его ждал взволнованный Маурицио.

Но Стефано молча дал понять, что ничего узнать не смог, да и не хотелось ничего говорить. Стены имели слух, тем более стены врага. Пусть этот враг сейчас не активен, но Фоскари не так прост, как кажется. Заговор, который они плетут с Медичи за спиной миланского герцога, — доказательство этого.

— Раз уж я тут, то хотел бы увидеть леди Изабеллу, — произнес Стефано подошедшему к ним Доменико. Он кивнул и повел их по длинному коридору. А пока шел, то начал предлагать свой план:

— Сегодня поиски бессмысленны, вы переночуете здесь. А завтра утром мы разделимся: я могу прочесать земли Венеции, а вы свои — миланские. Деревни, города и леса. У вас, ваша светлость, территория куда больше моей. Я могу потом под любым предлогом пересечь границу с Флоренцией. Узнать новости у подданных Медичи.

— Ты думаешь, что я трушу предстать перед лицом Медичи? Ты очень ошибаешься! — Стефано остановился, ему явно все это не нравилось. Он не мог смириться с тем, что Доменико прав. Просто так приехать во Флоренцию миланский герцог не мог, между ними война. И едва он ступит на территорию врага, к нему будет направлена армия. Он будто

зился сам на себя, но прекрасно знал, что таковы обстоятельства и он их заложник.

— Если ты поедешь во Флоренцию, то можешь оставить свои земли без правления. Отличная добыча для Джованни Медичи. Оставь это, я сам выясню, что они знают.

— Поговорим об этом завтра, — согласился Висконти, увидев, как Доменико указывает на дверь. Там, за ней был гостинный зал леди Изабеллы. Сейчас герцог выскажет ей соболезнования, уйдет к себе в покои и будет целую ночь разрабатывать план.

Как только мажордом сообщил хозяйке о госте, Стефано зашел внутрь и тут же поклонился:

— Леди Изабелла, от всего миланского народа..

— Стефано! — воскликнула она и перебила речь герцога. Тут же подбежала к нему и крепко обняла. — Я думала о тебе! Ты не поверишь, но я думала о тебе днями и ночами.

— Боюсь, что маркиз не пережил именно это, — слегка съязвил герцог и попытался отстраниться от этой женщины.

— Что ты такое говоришь! — запротестовала она. — Никто не знал о нашей связи! Маркиз тем более! Это была сердечная смерть, он даже не заметил, как умер. Счастливец.

Стефано разжал руки Изабеллы и отошел от нее.

— Я пришел не для того, чтобы вдова маркиза вешалась мне на шею! Я пришел выразить свои соболезнования, которые ты даже не выслушала.

Леди Изабелла обиженно надула губы. Этот герцогский тон был ей знаком. Стефано частенько менял настроение. Он любил, и он ненавидел. Он мог быть ласковым и грубым. Она привыкла к нему в любом проявлении. Но сейчас он был отстраненным и раздраженным — такое с ним было впервые.

— Я готова слушать тебя с утра до ночи. Прошу тебя, не злись. — Она потянула его за руку к креслу, обитому кожей. — Нам надо было поговорить, ты прав. Ведь мы толком не разговаривали с той встречи в охотничьем домике. После свадьбы ты стал другим. Но я понимаю, война..

— Война ни при чем, — уже спокойно произнес он и сел в кресло. — Дело в том, что я устал от веселья и разгула. Я женатый человек, а значит, на мне лежит уже другая ответственность — забота о своей жене.

— С каких пор ты заговорил о жене как о чем-то важном в жизни? — возмутилась она, отойдя к камину. — Точно так же ты говорил когда-то мне.

— Я никогда не давал тебе надежды, Изабелла, ты прекрасно это знаешь. Ты была замужем, а я.. А я лишь свободный мужчина.

После этих слов она резко развернулась и кинулась на колени к его ногам.

— Что ты говоришь, — ее голос был тихим, убаюкивающим, — мы с детства знали друг друга и планировали свадьбу..

— Свадьбу планировала ты. — Стефано нагнулся к ней ближе, касаясь своим дыханием ее щеки.

— Мой отец тоже!

— Но мой отец — нет. Он прекрасно знал, кто будет моей женой.

— Ты был против его выбора, — возмутилась она.

— Я уже передумал, — улыбнулся он и встал с кресла. Надо было уходить, а то разговор о смерти маркиза плавно перешел в любовные похождения его вдовы. — Прошу меня простить, но мне надо идти.

Она вцепилась в его руку, хотела притянуть к себе, но в итоге пришлось подходить самой. Изабелла улыбнулась, уже проведя рукой по его руке, поднимаясь выше, к щеке:

— Теперь я свободна от брака и между нами может быть отличный союз: Милан и Венеция. Просто отправь свою прощуху снова в ее деревню. А мы станем правителями двух земель.

Герцог слегка улыбнулся, казалось, что даже ответил на ее прикосновения и заглянул в черные глаза, увидев в них огонь, который отражался от камина. А затем медленно убрал ее пальцы от своей щеки:

— Никогда мои земли не станут частью Венеции. Никогда не будет такого союза.

Он отошел от нее, но Изабелла снова кинулась к нему и перешла на крик:

— Согласись, что тебе было хорошо со мной! Ты уже забыл, что каждая наша встреча доставляла тебе удовольствие? Я отдавала тебе свое тело и изменяла мужу! И это твоя благодарность?

— Спасибо, — произнес он, открыл дверь и вышел.

В своих покоях герцог не смог уснуть. Он ходил по персидскому ковру, утопая сапогами в его мягкости. Его руки были сложены сзади, спина выпрямлена, голова опущена. Он думал, взглядом скользя по замысловатым узорам на ковре. Таким же сложным, как ситуация с Дианой. Где бы она ни была, он думал о ней каждую минуту. И совсем не верилось, что там, возле Имолы, в лагере их войска, была их последняя встреча.

А ее письма..

Она писала ему ежедневно, где рассказывала все подробности каждого дня, проведенного в Форли.

Она его ждала..

Казалось, что была в безопасности..

Но это всего лишь так казалось! Какой он глупец! Выиграл сражение, но потерял гораздо больше.

Стефано иногда садился на край кровати, хватался за голову, сокрушаясь, что цена его победы слишком высока. Но что, если и правда Диану захватил Медичи и попытается высвободить таким образом Лудовико Алидозо? Получается, война была напрасной, и люди в Имоле и Форли опять будут страдать от тирании.

Он впервые не знал что делать, если ему предложат такой обмен. И он не знал как поступить. Свобода людей против одной герцогини...

В дверь постучали, Стефано не обратил на это внимания, витая в своих мыслях. Затем дверь отворилась и в покои прошла леди Изабелла, на ходу снимая голубой халат. Она предстала перед герцогом обнаженной.

Г Л А В А 3 4

Голоса людей слышались все ближе и ближе. Запах смрада заставил поежиться и ощутить ломоту в теле. Болело все: от ног до головы, скручивало мышцы, и при малейшем шевелении боль усиливалась. Во рту пересохло, язык прилип к нёбу и практически не ощущался. Дышалось с трудом, но даже при небольшом вдохе боль отдавала в ребра и из груди вырывался стон.

Диана приоткрыла глаза, не понимая, где находится.

— На, выпей воды! — сказал женский голос.

Чьи-то руки приподняли ей голову. Тут же острая боль пронзила все тело и снова прибила к полу.

— Тебе надо пить, еду тебе никто не предлагает. Слышишь? Долго же ты пролежала в таком состоянии, я думала, что ты умрешь.

Диана перевела взгляд на женщину, которая держала кружку в руках, но при этом сама сделала пару глотков. Кто

она? Вид незнакомки оставлял желать лучшего. Диана открыла глаза и вновь уставилась на женщину. Глаза — единственное, что у нее не болело, но все равно открывать их было сложно из-за тяжести век. Казалось, что они распухли.

Но все же женщину Диана рассмотрела: лицо, выпачканное грязью, пряди сальных волос свисали колючими из-под чепца, который состоял из наспех намотанных серых тряпок. Изредка она вытирала нос тыльной стороной руки и улыбалась почти беззубым ртом.

Пить хотелось, и Диана простонала, понимая, что даже сказать ничего не может. Женщина обмакнула палец в кружку и засунула девушке в рот. Капля, которая коснулась засохшего языка, оказалась божественной. Но этого было мало, и Диана попыталась привстать, чтобы женщина поднесла еще раз кружку к потрескавшимся губам. Незнакомка поняла ее желание и снова помогла Диане приподняться. Сквозь боль у герцогини получилось сделать целый глоток, который, казалось, высох прямо на языке. Превозмогая боль, Диана потянулась к кружке сама и схватила ее дрожащими руками. Казалось, что кружка набита камнями, и если бы женщина не помогла удержать ее, то все содержимое вылилось бы на пол.

Диана жадно пила большими глотками, не боясь поперхнуться. Кашляла и снова начинала пить. Сколько она пробыла в беспомощности и без воды?

Как только кружка опустела, женщина с трудом забрала ее из рук Дианы:

— Хватит. Иначе начнет тошнить. Ты не пила довольно давно, надо начинать потихоньку. К тому же чистой воды не так много.

— Кто ты? — хриплым голосом произнесла Диана, и голова ее снова коснулась грязного пола. Мыслей не было, но

она старалась напрячь память и вспомнить, кто эта женщина и где они находятся.

— Я Маргарита, но можно просто Марго.

Это имя Диана не помнила. Она вообще ничего не помнила за последнее время. А сколько прошло времени?

— Где я?

— Как где? — усмехнулась Марго. — У синьора Травило в сарае. Это он купил тебя. Только не пойму зачем? Толку от тебя все равно никакого!

Женщина фыркнула и отошла в угол к графину, чтобы налить новую порцию воды:

— Он привез тебя два дня назад, ты была без сознания, но периодами что-то бормотала. Я не смогла разобрать, кажется, ты ударилась головой и говорила на чужом языке.

Диана с трудом подняла руку и приложила к голове, туда, где сильнее всего болело. И как только дотронулась, то вздрогнула — боль отдалась с новой силой.

— Не трогай, я недавно промыла рану. Кто тебя так? Муж?

Тут же Диана уставилась на руку, растопырив пальцы, и поняла, что нет перстня! Она оставила его, когда пошла на бал, а дальше было не до перстня — вторая брачная ночь и побег из Венеции были гораздо важнее, чем надеть его. Перстень с гравировкой бисциона уехал с Марией в Милан.

Память начала проясняться. Теперь вспомнилось Форли, много рыцарей и Стефано Висконти, который написал ей о том, что они выиграли битву под Имолой. А потом... Она ждала его! Она его очень ждала, не находила места!

И они с Лауреттой и Томмасо пошли к речке. Дальше все как в тумане. Боль, темнота и неизвестность.

Диана провела пальцами по своему наряду, пытаясь вспомнить, что на ней было надето. Она еще не успела скинуть

с себя бирюзовое платье с белыми рукавами и пушистым мехом. Но сейчас она не ощущала ни меха, ни шелковистости ткани. Скорее ткань была грубой. Приподнявшись, чтобы посмотреть свое платье, Диана испытала горькое разочарование — оно было другим, холщовым. Такое она надевала на маскарад, когда пошла в город в Венеции. Как оно оказалось на ней?

— Где моя одежда? — прошептала она, голос по-прежнему был хриплым, как будто она два дня кричала без остановки.

— Тебя привезли в этом платье. Чем тебе не нравится? Оно даже без дыр.

Диана снова улеглась на пол и стала смотреть вверх на деревянные перекладки, которые держали крышу. Она ничего не понимала, как будто выпала из жизни на два дня. Неужели от удара по голове? А может, ее били неоднократно?

— Мне нужно в Милан, — прошептала она, ощущая себя самой одинокой на этой земле. Она хотела даже не в Милан, а в Девоншир, в свои родные стены, забиться в уголок, схватиться за голову и представить, что это сон.

Женщина тут же подскочила к ней, вытаращившись большими удивленными глазами:

— Куда? В Милан? Ты с ума сошла? Зачем тебе туда? Наш дом здесь, во Флоренции.

Во рту снова пересохло, желание ехать в Девоншир отпало, сердце гулко забилося в груди. Она во Флоренции? У тех, кто объявил миланцам войну?

Это не могло быть правдой! Как она оказалась здесь? Диана снова напрягла память, ощущая усиленное сердцебиение и находясь во власти недовольного взгляда Марго. Та просверлила девушку насквозь, наверно, слово «Милан» вызывало у флорентийцев агрессию.

— Мой дом в Милане, — прошептала Диана в надежде, что все же эта женщина смиростивится, доложит своему хо-

зяину и тот отвезет Диану домой. А если узнают, что она герцогиня, то сделают это быстрее и получают награду.

Марго задумчиво уставилась на нее и присела на пол рядом:

— Говоришь, из Милана? И как ты попала во Флоренцию? Купили тебя уже на этой земле.

— Может, меня похитили? Я отчетливо помню, что мы со служанкой пошли купаться к речке. — Диана погрузилась в воспоминания, говоря медленно и тихо. Слова давались сложно. Она вспомнила лицо Лауретты, когда ее пронзила стрела, та закатила глаза и стала оседать на землю. Это было страшное зрелище. Диана сглотнула и облизала пересохшие губы. Бедная Лауретта... Она была еще так молода... И бедный Томмасо... Его тело она видела тоже — страшное зрелище. — Мою служанку пронзили стрелой, а меня ударили по голове... Больше я ничего не помню... Иногда приходила в себя, но было сложно дышать, меня везли на повозке с мешком на голове. Когда начинала стонать, через мешковину к моему лицу прикладывали ветошь с едким запахом. После этого я ничего не помнила, проваливалась в сон. Очнулась только сейчас.

— Служанка? — звонким голосом произнесла Марго. — Может, тебя слишком сильно ударили?!

Она засмеялась и встала на ноги, махая рукой. Но Диана мотнула головой и тут же схватилась за нее — удар был сильный, но это не изменило ее статуса в жизни.

— У меня была служанка, — прошептала Диана и показала женщине руку. Она была ухоженной, слава Деве Марии, что за последние недели, как только она перестала работать в госпитале, раны зарубцевались.

Та кивнула, уже зная, что руки девушки имеют нежную кожу. Она обратила внимание на это сразу, но гнала такие мысли прочь. Ее хозяин не мог купить аристократку. Хотя... Если она из Милана...

— Мне нужно поговорить с твоим хозяином, — Диана умоляюще смотрела на Марго, ожидая ее понимания.

— Не думаю, что он будет тебя слушать. — Марго сунула ей кружку с водой и стала бродить по сараю. — Если ты не из бедных и у тебя были слуги, то ты тоже бы не слушала их рассказы и сказки. Мало ли что они могут придумывать.

— Я всегда прислушивалась к своим слугам. А в Девоншире все слуги были моими друзьями.

— Где? — скривила лицо женщина.

— Я родом из Англии.

— Как Диана Девонширская, — расхохоталась Марго и наконец остановилась: — Ты ее знаешь?

Герцогиня шумно вздохнула и сделала глоток воды из кружки. Сказать этой женщине всю правду или здесь правда не приветствуется? Но с другой стороны, что она потеряет?

— Я и есть Диана Девонширская, — сказала девушка, которая двое суток валялась на полу в лохмотьях, с грязными волосами и перепачканным грязью лицом. — Ныне герцогиня миланская Диана Висконти.

Женщина округлила глаза и остановилась посередине сарая:

— Здорово тебя по голове ударили. Только прошу тебя, придумай другую историю, с этой ты долго не выживешь, боюсь, что тебя казнят. Наш правитель не любит миланцев, тем более герцогского рода Висконти. И вообще, некогда мне с тобой рассиживаться! Скоро проснется хозяин, надо идти в поле и работать.

Плечи Дианы поникли, она лишь наблюдала, как Марго занервничала, оглянулась по сторонам и вышла на улицу, закрыв за собой скрипучую дверь. Снаружи долетел свежий воздух, и девушка вдохнула полной грудью, желая оказаться за пределами этого сарая. Надо бежать! Это определенно хорошая идея, но пока ее ноги не ходят, а руки не двига-

ются — она заложница. Наверно, будет правильным переговорить с человеком, который ее купил. Или молча сбежать. Но все потом! А пока надо попытаться набраться сил, встать и начать снова жить.

Диана с трудом присела, опираясь руками о пол. Голова тут же закружилась, в глазах потемнело, пришлось глубоко дышать в надежде, что это поможет.

И у нее получилось, темнота в голове стала отступать, но задрожали руки, на которые она опиралась. Пришлось снова лечь. Попытка встать провалилась, Диана была слишком слаба без еды и воды. Надо сначала восстановить себя с помощью провизии. Здесь есть хоть крошка?

Она лежала на боку и наблюдала, как мышь пронеслась от деревянной ступки до лавки. Разглядывала паутину, на которой черный паук уплетал свою добычу. Это помещение кишело гадкой живностью, но Диану это ни капли не пугало. Бывало, что в Девоншире она ночевала в сарае, когда к отцу съезжались друзья для игры в кости. Она уходила из дома в более безопасное место.

Сейчас здесь, в этом сарае, предчувствие было таким, что это место тоже пока безопасно. Что ждет ее там, вне этих стен, Диана даже боялась представить — страх, неизвестность, жестокость и, возможно, даже смерть. Но рано или поздно выйти придется.

Слабость одолела ее, и она провалилась в сон, а проснулась от запаха пищи.

Это Марго совала ей под нос тарелку с чем-то сытным:

— Это каша из бобов, тебе надо есть.

Диана бы накинулась на тарелку, но увы, с трудом села. Маргарита помогла ей подняться и сунула тарелку ей в руки. И пока Диана зачерпывала ложкой кашу, она произнесла:

— Чем докажешь, что ты герцогиня?

Ложка чуть не выпала из рук, остановилась возле рта. Диана удивленно посмотрела на женщину. Чем она может доказать свой статус?

— Если ты поможешь мне бежать, то я щедро с тобой расплачусь. — Диана не стала ждать ответа, пусть Марго думает, а она засунула ложку, наполненную уже остывшей едой, в рот и простонала. Эта ужасная пища сейчас стала самой вкусной.

— Это дело такое, — усмехнулась Марго, — ты сбежишь и про меня забудешь. Тем более если ты герцогиня. Неужели ты вернешься за флорентийкой? Вход миланцам сюда воспрещен.

Диана успела проглотить то, что ела, и обратилась к женщине:

— Значит, тебе надо бежать со мной. — Она снова набрала ложку бобов и засунула в рот. На еду силы нашлись. Даже настроение поднялось. — Но на чьей стороне ты?

Маргарита поднялась с пыльного пола, отряхнула серую поношенную юбку и задумалась:

— А разве нас спрашивают, на чьей стороне хотим быть мы? Но это не мы воюем! Это вы развязываете войну! Вы, знать! Неважно, венецианский дож или миланский герцог! Война — удел богатых! Нас только используют в своих нуждах. Нас используют везде, даже на своих же полях. Мы рабочая сила, и неважно, на чьей территории!

Диана задумалась: отчасти женщина была права, но было одно «но»:

— Даже у волков есть вожак — это закон природы. Всегда и у всех должен быть предводитель, но он заботится об обычном народе. Например, мой муж защищает земли только из-за людей — они его попросили сделать это.

Она вдруг поняла, что скучает по Стефано Висконти. Диана поставила тарелку на пол и опустила голову, погружаясь

в свои мысли. От него не осталось ничего, даже перстня нет. Но, с другой стороны, раз ее облачили в одежду простолюдинки, то перстень бы украли. Кому-то очень выгодно видеть ее во Флоренции в обличье нищенки.

— Я ничего не имею против миланского герцога, но наш Синьор правительства Джованни Медичи думает о том, как пополнить только свой кошелек за счет обычного народа.

Это был сложный разговор, она сама, Диана Висконти, жила на налоги, собранные с ее же народа! И хотя пыталась помочь хоть чем-то, но это капля в большой грозовой туче.

— Если ты поспособствуешь моему побегу, то я обеспечу тебе место в замке, например на кухнях. Сама догадываешься, что это значит, — ты будешь всегда сыта.

Работать на кухнях в замке самого Стефано Висконти — это большая удача. Марго окинула Диану оценивающим взглядом и произнесла свое условие:

— Еще я требую политическую неприкосновенность...

— Тебе и членам твоей семьи я это обещаю.

Маргарита угрюмо кивнула:

— У меня нет семьи. Мой муж умер несколько месяцев назад прямо на поле за работой, а ребенка я потеряла после того, как синьор Травило отхлестал меня плеткой. — Она налила воды, подошла к Диане и протянула ей кружку: — Возможно, это к лучшему.

— Мне очень жаль, это очень жестоко со стороны синьора Травило. Расскажи мне о нем. И расскажи, что вообще я здесь делаю и какую роль отвели именно тебе?

Маргарита кивнула и начала свой рассказ, устроившись напротив Дианы:

— Синьор Травило местный землевладелец, он выращивает овощи и злаки. Мы работаем у него за еду и крышу над

головой, но он не платит нам ни одного флорина¹. Но мы благодарны ему за то, что он может нам дать, потому что многие люди нищенствуют в лесах и зарабатывают тем, что грабят других.

— Но он обязан вам платить! — возмутилась Диана, уже мысленно представив перо, чернила и бумагу перед собой и то, как она отдает приказ на обложение этого человека обязательством выплаты зарплаты работникам. А потом вспомнила, что она здесь никто и это не ее народ.

— Здесь каждый живет, как ему выгодно. Мы не жалуемся.

— Но этот человек убил твоего ребенка..

— Тот еще не родился, — махнула Марго рукой, — это не убийство.

Они просто смирились со своей жизнью, Диана не винила Марго в том, что она защищает своего хозяина. Без него она бы умерла.

— Расскажи мне, что знаешь о том, как я здесь оказалась.

— Хммм, — Марго пожала плечами. — Ничего необычного, тебя, как и всех новеньких, привезли на телеге.

— Сам хозяин?

— Нет, его люди. Они бросили тебя в этот сарай и ткнули мне, чтобы я за тобой ухаживала, пока ты без сознания. И все, так ты пролежала два дня, но я думала, что ты умрешь.

— Как видишь, я очень живучая. Значит, меня привезли сюда, как новую рабочую силу? Но какой прок от женщины без сознания?

Марго снова пожала плечами:

— Давай спать. Завтра поутру мне надо идти в поле. Если я не высплюсь, то буду делать работу медленнее, и меня будут избивать надзиратели.

¹ Ф л о р и н — деньги во Флоренции. (Прим. авт.)

Диана кивнула и легла на пол. Все ныло и болело, каждая косточка, каждая мышца. Она мечтала оказаться на перине, но готова была спать на полу, главное, что есть крыша над головой.

Сон одолел быстро, видимо, слабость еще была сильная. А утром распахнулась дверь и в сарай вошли двое надзирателей.

— Ты! — Пальцем один указал на Диану. — К выходу! Хватит бездельничать, если открыла глаза, значит, здорова и можешь работать.

Г Л А В А 3 5

Мужчина подтолкнул Диану вперед. Это получилось грубо, так, что она чуть не упала. Ноги еще были слабы, тело с трудом удерживало равновесие. Голова кружилась, но надо было идти, потому что в спину ей упиралась палка, которую держал мужчина. Таким образом он подгонял ее, но быстрее идти она не могла.

— Куда вы меня ведете?

Задав этот вопрос, Диана чуть оглянулась, но вместо ответа палка с силой уперлась ей в спину.

— Я имею право знать.

— На поле, — сплюнул мужчина, — будешь много разговаривать, получишь плеткой по спине.

Диана слотнула и продолжала идти, смотря вперед, на земли, которые открылись перед ней. Солнце только-только показало светло-желтые лучи, но они уже осветили траву, которая пряталась в легкой утренней дымке. Девушка шла босиком и ярко ощущала, как холодная роса, касаясь кожи, умывает ноги.

Вдалеке распростерлась бескрайняя желтая земля, на которой уже, согнувшись, работали люди. Ее гнали туда же, чтобы унижить и растоптать. И говорить им о том, что она герцогиня, не было смысла, надо разговаривать с синьором Травило. Именно он должен поведать ей о том, за что и как она здесь оказалась.

— Стоять! — приказал надзиратель. — Это поле, засеянное пшеницей! Твое занятие на несколько дней — убирать ее. Если решишь отлынивать от работы, то получишь хорошую порку этим хлыстом!

Он показал ей палку, на конце которой висели кожаные веревки, и Диана перевела удивленный взгляд на мужчин. Она пыталась разглядеть в этих людях хоть каплю жалости и понимания, но не видела ничего.

— Можешь прерваться только на обед. Если будешь трудиться хорошо, то тебя, возможно, повысят, — мужчина захохотал, — будешь кормить свиней.

Он сунул ей согнутый нож, который напоминал полумесяц, и пальцем указал на поле. Но Диана не сдвинулась с места.

— Я могу поговорить с синьором Травило? Это очень важно. — Она буквально чуть не расплакалась, даже сложила ладони в молитвенном жесте. — Ради всего святого, прошу вас, отведите меня к вашему синьору.

— Не будет он тратить свое время на чернавку, — надзиратель сплюнул прямо к ногам Дианы, показывая ее положение в этом месте.

Пока она пребывала в шоке, мужчины засмеялись и отошли от нее. Диана оглянулась, пытаясь сориентироваться на местности. Она знала, что в Девоншире пшеница росла, но этот злак Диана никогда не видела вблизи и тем более не знала, что с ним делать. Она не знала, как срывать стебли и что делает этот острый полумесяц в ее руках.

Медленно она поплелась к людям, которые срезали длинные стебли и складывали их по кучкам. Детки бегали рядом, они связывали их и кидали в телегу.

— Стой! — послышался знакомый голос, и Диана обернулась. Быстрым шагом сюда направлялась Марго. — Я тоже работаю на этом поле, научу тебя, как правильно срезать колосья. Но честно скажу, если ты ни дня не работала, то к вечеру ты упадешь без сил.

Она упадет уже через час, потому что еще совсем слаба. Но Диана сделает все, чтобы продержаться до вечера.

— Марго, как мне попасть к синьору Травило? Я не могу оставаться здесь, я уверена, что меня ищут, и наверняка мой муж поднял на поиски все войско.

Марго посмотрела на поле, перевела взгляд на позади стоящих надзирателей, взяла Диану под локоть и повела вперед, туда, где колосилась пшеница.

— Синьор Травило вряд ли будет тебя слушать, но попробовать можно. В полдень он объезжает свои плантации, смотрит, все ли в порядке. Это отличный шанс встретиться с ним лично. А теперь пошли работать, иначе шрамы от плетки останутся на всю жизнь.

Диана кивнула, повинуясь этой женщине. Иного выхода не было.

Марго показала ей, как правильно срезать пшеницу серпом, потом собирать в одну кучу и перевязывать веревками. За такими стогами приезжала повозка, приходилось кидать пшеницу туда, а это тоже отнимало силы.

Но особенно болела поясница, ноги подкашивались, голова кружилась. Диана смахивала пот со лба и продолжала работать. Солнце начало печь сильнее, что говорило о том, что время близится к полудню. Она иногда вглядывалась в даль, высматривая синьора Травило. Но его пока не было видно.

И обед не несли, а от голода уже тошнило. И хотелось пить. Она так и не напилась вдоволь.

Пока руки Дианы хватали стебли злаковых растений, в мыслях она представляла ручей, как она окунается в прохладную воду, вдыхает чистый запах леса и радуется свободе.

Сейчас плохо, пот стекает градом, ноги уже почти не держат, во рту пересохло, как в пустыне, руки уже не могут хватать стебли, нет сил даже срезать серпом колосья. И еще в голове все звенит. И это неудивительно, ведь она получила хороший удар. А когда темнеет в глазах, то приходится присесть и дышать чаще, чтобы не упасть в обморок.

— Что расселась!

Диана с трудом услышала этот голос, но очень отчетливо разобрала звук плети, которая с размаху хлестнула кожу. Ее кожу, на которой от удара мгновенно образовалась кровавая рана. Теперь девушку пришибло к земле, а встать уже не было сил. Но чьи-то руки ее все же подняли, это была Марго. Она выкрикнула что-то надзирателям и всучила Диане серп:

— Хотя бы делай вид, что ты стоишь на ногах.

— Да, да, — прошептала та, ощущая резь в спине, боль во всем теле и безысходность. Она из последних сил схватила колосья и срезала их.

Стало чуть лучше только после того, как принесли еду. Даже каша на воде показалась божественным блюдом, а вода — райским напитком. Все люди ели там, где работали, сидели на земле, а кто-то вовсе лежал. Было тяжело работать в поле в жару.

Диана часто всматривалась в даль, но уже не искала взглядом синьора Травило, она искала дорогу, которая выведет ее в Ломбардию. Поля простирались до самого горизонта, где земля соприкасалась с небом. Это невероятно далеко, но

она готова бежать до самого вечера по полю в поисках свободы. Лучше быть беглянкой, чем заложницей у своего же врага.

— Синьор Травило едет, — прошептала Марго, и все резко встали со своих мест. Нехотя они снова принялись за работу. Еда и солнце усыпляли, руки уже не слушались, кто-то стоял на коленях, чтобы не упасть.

Диана выпрямилась, она нашла в себе силы с гордостью встретить того, кто украл ее и превратил в свою рабыню.

Хозяин ехал на телеге, запряженной одной лошадью, и, едва заметив Диану, потянул поводья на себя. Лошадь, фыркнув, затормозила. Девушка подалась навстречу своему похитителю. Ее даже не испугало то, что надзиратели направились к ней, махая плеткой. Синьор Травило остановил их рукой, как только они приблизились к девушке.

— Свободны, — скомандовал он и спрыгнул с телеги.

Синьор Травило не был стар, как Диана его представляла. Наоборот, он был молод и полон сил, его светлые глаза скользили по ее лицу, он улыбнулся широкой улыбкой. Слишком широкой. У него был очень большой рот. Волосы соломенного цвета, а глаза светло-голубые. Одежда на нем не была последней моды, скорее ее можно было описать одним словом — удобна: широкие штаны и белая камичи, завязки которой расходились на груди.

Диана внимательно наблюдала за ним, изучая его внешность и одежду, поэтому не увидела, как все поклонились хозяину.

— Добрый день, синьорина, — с нахальством начал говорить Травило. — Я вижу, что вы живы, и это меня радует.

— По-вашему, я должна была умереть? — нахмурилась Диана, даже не удосужившись ему поклониться, как это сделали другие. Она встретила его с гордо поднятой головой и прямой спиной, даже несмотря на боль во всем теле.

— Когда я вас купил, скажем, вы были не в лучшей форме, — усмехнулся он.

Диана не понимала: он насмехается или говорит искренне? И почему все так его боятся? Ведь он не выглядит устрашающе! Этот молодой человек вообще из себя ничего не представляет.

— Прошу прощения, — смутилась девушка, — у кого вы меня купили? И разве есть закон, позволяющий торговать людьми?

В этом была вся она. Даже в такую минуту, когда все отошли подальше, она ступила на шаг ближе и начала задавать неудобные вопросы, отстаивая права людей. Даже надзиратели снова подняли плетки, но синьор Травило вновь оставил их рукой.

— Я заплатил за вас деньги, простолюдины не имеют права выбора, за них решают те, кто умеет думать, кто умеет зарабатывать и платить за их работу.

— И много вы платите своим людям?

— Достаточно, чтобы они были сыты.

— А до меня дошел слух, что они лишь сыты, на этом ваша плата заканчивается.

Марго, услышав такое, поспешила скрыться в глубине пшеницы. Она не думала, что Диана не умеет молчать. А еще, как эта сумасшедшая могла не понимать, что ее жизнь висит на волоске, синьору ничего не стоило махнуть надзирателям, и те избьют девушку до смерти.

— «Лишь сыты» — это уже хорошо, — натянул улыбку молодой хозяин. Он не мог не заметить ее правильную речь, ее манеру держаться. Он прекрасно знал, что перед ним не простушка из барака, Диана видела это по его лицу. Он остановился перед ней и начал разговор — это уже о многом говорило. Поэтому пришлось оставить разговор о жизни простых людей и перейти к разговору о себе:

— Вы сказали, что купили меня. Прошу вас назвать имя человека, который меня продал.

Синьор Травило засмеялся самым отвратительным смехом, который она когда-либо слышала. А потом смех прекратился, и он произнес:

— Как ваше имя, синьорина?

— Дионисия, — она решила не говорить о своем статусе. Возможно, он сам украл ее и прекрасно знает, кто она на самом деле. Но здесь стоят люди, которым знать это не стоит.

— Дионисия, имени человека, который вас продал, я не знаю. Я не спрашиваю имена продавцов, которые торгуют людьми. Но боюсь, что они никогда не назовут своего настоящего имени.

Взгляд Дианы потух, вроде бы на этом можно было закончить разговор, но она не хотела сдаваться:

— Зачем вы купили девушку без сознания, когда наверняка там продавались крепкие мужчины?

Диана знала, что этот вопрос поставит его в тупик. Она наблюдала, как он смущенно опустил глаза, потом отвел их в сторону, будто придумывая ответ. И наконец произнес:

— Какое право вы имеете задавать вопросы своему хозяину? Есть факт — покупка, — он подошел к ней ближе. — Между прочим, тем, кто много говорит, я отрезаю язык.

Он уходил от ответа, даже не пытаясь придумать какую-нибудь историю. Он предпочитал угрожать. Человек, который вместо ответа пытается запугать собеседника, явно знает больше, чем кажется.

— Работай, Дионисия, — сухо произнес он. — Возможно, однажды ты скажешь мне спасибо, что осталась жива.

Он залез в повозку, натянул вожжи и поехал дальше. А Диана опустила взгляд, обдумывая его последние слова. Он говорил так, как будто думал, что спас ей жизнь. Так ли это?

Толком он ей ничего не сказал, но она была уверена в одном: ей нужно пытаться его разговорить, а значит — встретиться снова.

Из колосющейся пшеницы показалась Марго и потянула Диану работать, потому что надзиратели то и дело выискивали глазами жертву.

— Удивительно, что синьор Травило остановился прямо здесь, перед тобой. Как будто знал, с кем имеет дело, — прошептала Маргарита, хватая стебли, сжимая их ладонью и обрезаю им жизнь.

— Марго, мне обязательно надо с ним встретиться. У меня такое чувство, что он знает, кто я..

— Если он знает, кто ты, и держит тебя взаперти, заставляя работать, то он тебе точно не друг и разговаривать с ним бесполезно.

Она была права. Диана совсем потеряла способность анализировать, потому что никогда не была в такой ситуации.

— Что мне делать? — прошептала она себе под нос и тут же начала читать молитву.

Тело ломило все сильнее, она почти не чувствовала спины, ног, голодный желудок уже не урчал, но ее по-прежнему подташнивало. Отвратительное состояние.

Стало чуть лучше, когда Марго довела ее до сарая, где они жили, и Диана без чувств рухнула на пол. Теперь перекрестилась Маргарита, но читать молитву она не стала — что толку, Бог явно не на их стороне.

Запах горячего жаркого долетел до Дианы, и она простонала, вспомнив, как они с Томмасо пытались поесть в одной из деревушек. Сейчас она бы съела пять таких порций.

Открыв глаза, она увидела протянутую миску с едой. Хотя сама Диана толком еще не проснулась, ее руки уже схватили

миску. Девушка засунула туда пальцы, набрала горсть пищи и отправила в рот.

Томмасо умер, его убили, а вкус пищи на самом деле отвратительный! Опять бобы и капуста на воде. Но надо есть, чтобы выжить. Чтобы набраться сил и бежать.

— Нас охраняют?

Этот вопрос мучил ее все то время, пока она трудилась в поле. Изредка поглядывая на надзирателей и очень часто в другую сторону — туда, где, казалось, пшеничное поле не закончится никогда. Но это иллюзия, конец есть у всего.

— Кого? Тех, кто трудится на поле? — усмехнулась Марго. — За нами смотрят только на поле, чтобы мы работали. А больше охраны нет.

Диана чуть не поперхнулась, поставила миску с этой отвратительной стряпней на пол и уставилась на Маргариту. Так просто сбежать? Можно выйти и уйти прочь? Так почему она еще здесь?

— Почему вы не убегаете из этого рабства?

— Потому что синьор Травило дает нам пищу и крышу над головой. Если мы убежим, то куда пойдём? Но если ты зовешь меня в миланский замок, то я уже говорила, что согласна.

— Тогда бежим! — Диана оперлась руками об пол и попыталась встать, но все болело с такой силой, что она только застонала и упала снова. Неизвестно, что болело сильнее — руки, ноги, спина или недавний след от хлыста одного из надзирателей.

— Далеко ты не убежишь в таком состоянии. — Марго взяла миску и снова всучила ее Диане. — К побегу надо хорошо подготовиться, например иметь силы, которых у тебя нет. Ты должна окрепнуть.

И как ей окрепнуть, когда на старые раны накладываются новые? Когда она в поле устает так сильно, что требуется

хотя бы ночь, чтобы прийти в себя. Но Марго права, надо есть и крепнуть.

— Ты права. И надо знать, куда бежать.

Этого Диана тоже не знала. Она попыталась вспомнить карту, лежащую на столе герцога, местность рядом с Ломбардией. Но увы, не помнила ее, в тот момент она хотела бежать совсем в другую сторону.

— К тому же в лесах очень много разбойников, — выдохнула Марго, было видно, что она боится рискнуть и стать свободной. Она так привыкла быть здесь, что боялась представить себе жизнь вне этого места.

— Не знаю, что хуже: быть пойманной разбойниками или жить, постоянно боясь, что твою спину ударят плеткой. К тому же мне не нужна крыша над головой и не нужна еда. Я просто хочу домой.

— Сразу видно, что ты жила в сказке, — пробурчала Марго, — не имела дела с разбойниками и даже обычными людьми. Между прочим, если попасться в руки лесных бандитов, то это верная гибель. Но не просто смерть, а смерть мучительная и жестокая. Сначала тебя будут насиловать все по очереди, а потом обнаженную привяжут к дереву и оставят на съедение животным.

Диане вдруг вспомнился карнавал и трактир, где она просила пить. Как грубо с ней обходились мужчины. Как положили животом на стол и готовы были насиловать до полусмерти. Если бы не человек в черном одеянии и в маске с кельтским крестом на щеке... Если бы не ее муж... Тот самый Стефано Висконти, о котором она старалась не думать, чтобы не болело сердце. Но сейчас его образ предстал перед ней очень четко. Наверно, он уже обнаружил ее пропажу и, скорее всего, отправился на поиски. Она бы пошла навстречу, вот только не знает, в какой стороне Милан или Форли. Ей бы сначала дойти до границ Ломбардии.

Мысли прервал протяжный скрип двери. Она распахнулась настежь, и в проеме появился один из надзирателей. Он указал пальцем на Диану:

— Ты, пойдешь с нами! Тебя требует синьор Травило. Обе женщины вздрогнули и переглянулись.

Г Л А В А 3 6

Дом синьора Травило не был большим — обычный сельский, каких много видела Диана, пока ехала в Форли. Но возможно, этот дом не был у него единственным.

Пока Диану вели к хозяину, она осматривала здешнюю местность. Но кругом раскинулись поля, вдалеке виднелись леса, а ближе были только халупы, в которых жили рабы. Именно так Диана думала о тех людях, которые работают на синьора Травило. И пусть он дает им кров и пищу, но в таких сараях и при таких условиях работы их можно назвать только рабами.

Один надзиратель открыл дверь в дом, и Диана зашла внутрь, встречаясь взглядом с хозяином этих земель. Видимо, он не последний человек для Медичи, раз имеет такие владения.

Зайдя внутрь, Диана не поклонилась ему, напротив, она расправила плечи, гордо смотря в глаза этому человеку. За такое отношение он мог бы приказать выпороть ее, но, напротив, он рукой предложил ей пройти в небольшую столовую, где в центре красовался массивный стол из дуба.

— Мне сказали, что вы хотели меня видеть, — начала говорить Диана, все еще осматривая помещение.

Синьор Травило указал рукой в направлении стола, мило улыбнувшись широкой улыбкой:

— Присаживайтесь, сейчас принесут ужин.